

М.В. ШПИЛЬМАН

*(Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия)*

УДК 81'27
ББК Ш107

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТЬЮ РАЗНЫХ ТИПОВ РЕЧЕВЫХ МАСОК

Аннотация: Исследуется речевая маска как проявление коммуникативной компетенции говорящего на примере персонажей художественного текста. Предлагается классификация речевых масок по спонтанности / подготовленности, однократности / многократности использования, продолжительности использования.

Ключевые слова: речевая маска, коммуникативная компетенция, языковая личность, интенция.

Для достижения коммуникативной цели говорящий пользуется всем арсеналом средств, которые накопились в его багаже знаний. Одним из таких средств, свидетельствующих о высоком уровне коммуникативной компетенции, является речевая маска.

Под речевой маской (РМ) подразумевается коммуникативная стратегия, в основе которой лежит чужой языковой образ, выбор которого обусловлен целями говорящего, ситуацией, формой общения, фактором адресата; это временная и ситуативная эксплуатация чужого речевого поведения, основанная на зафиксированном в сознании носителей языка обобщенном представлении о том или ином типе коммуникантов.

При этом, выбирая стратегию РМ, языковая личность (ЯЛ) принимает во внимание не только условия коммуникативной ситуации, но и учитывает такие параметры использования маски, как продолжительность и подготовленность. Созданные с учетом этих параметров РМ существенным образом отличаются.

В данной статье представлена попытка выявить особенности использования разных типов РМ на примерах из художественной литературы, при этом в качестве модели ЯЛ рассматривается персонаж художественного текста.

Проанализировав имеющийся материал, мы разделили все РМ, с одной стороны, на основании их спонтанности или подготовленности, с другой – на основании однократного или многократного использования, с третьей – на основании продолжительности использования. Рассмотрим эти классификации.

Спонтанная РМ. Выбор стратегии диктуется условиями кон-

кретной ситуации общения. Такая маска опирается на самые общие представления об изображаемой личности, она схематична и рассчитана на недлительное использование. Реализация такой РМ предполагает стремительность развития коммуникативной ситуации, и основная задача применяющего спонтанную маску – не дать адресату времени на обдумывание этой ситуации. Так, например, Э.П. Фандорин, герой романа Б. Акунина «Коронация», использует спонтанную маску адъютанта при высокопоставленном чиновнике:

– Отлично, – вполголоса сказал мне Эраст Петрович. – Вот и экипаж.

Я увидел поодаль знаменитую обер-полицейстерскую пролётку, запряжённую парой вороных рысаков. На козлах важно восседал кучер Сычов, частенько поминаемый московскими газетами в связи с ежедневными разъездами неутомимого полицейского начальника в поисках нетрезвых дворников и нерадивых городовых.

Эраст Петрович подхватил шапку и, молодецкато звеня шпорами, бегом бросился к экипажу: «Срочное донесение! – крикнул он кучеру, с разбега впрыгивая в пролётку. – Давай, Сычов, не спи! Приказ господина обер-полицейстера!». Обернулся ко мне и откозырял: «Ваше превосходительство, умоляю, скорей!» (Б. Акунин. Коронация).

Чтобы заполучить экипаж, Фандорин действует стремительно, убедительно изображая рвение адъютанта, ср.: *молодецкато звеня шпорами, бегом бросился; крикнул, с разбега впрыгивая; откозырял.* Обращаясь к кучеру, называет его по имени, позволяя себе фамильярное распоряжение (*Давай, Сычов, не спи!*), тем самым как бы давая понять кучеру, что адъютант – неслучайный человек, возможно, даже знакомый (знает фамилию), который имеет право распоряжаться. При этом Фандорин понимает, что на обычную просьбу кучер, скорее всего, не отреагирует, а вот приказу начальника подчинится. Косвенным подтверждением приказа является «его превосходительство».

Таким образом, РМ адъютанта основывается на представлении о нем как о человеке суетливом, зачастую имитирующем бурную деятельность и служебное рвение, несколько высокомерном и оттого фамильярном в обращении с низшими чинами. В сочетании со знанием психологии адресата и минимальными фоновыми знаниями, почерпнутыми из газет, эта стратегия оказывается эффективной.

Подготовленная РМ используется, когда известны некоторые параметры предстоящей коммуникативной ситуации (например, адресат или место общения). Такая маска предполагает детальную проработку манеры речи, лексикона, поведения и даже внешнего вида, что в совокупности обеспечивает максимальную правдоподобность. Ср. использование тем же персонажем другой РМ – степенного пожилого моряка: *А без пяти минут девять, когда на почтамте уже готовились*

к закрытию, в двери **быстрой, деловитой походкой** вошел **седоусый, осанистый моряк в темно-синей тужурке и фуражке без кокарды** – по виду, отставной боцман или кондуктор. Не глядя по сторонам, сразу направился к окну с надписью *Poste restante* и **пророкотал силным, пропитым голосом**: «Мне тут **письмецо** полагается. На предъ-явителя купюры за **номером...**». Он, порывшись, достал из кармана бумажку, дальнозорко отодвинул ее подальше и прочел: «Один три семь **нуль семь восемь восемь пять девять. Есть чего?**».

Почтовый паялился на моряка во все глаза <...>. Заворчал и боцман: «**Ишь, гоняют старого человека почем зря. Тьфу!**». **Сердито зашевелил густыми бровями, провел рукавом по пышным усам и зашагал к выходу** (Б. Акунин. Коронация).

В отличие от предыдущего примера, в котором успех стратегии зависел от стремительности ее применения, здесь главным оказывается правдоподобность создаваемого образа: внешний вид (**седоусый, осанистый моряк в темно-синей тужурке и фуражке без кокарды** – по виду, отставной боцман или кондуктор), походка (**быстрой, деловитой походкой**), характеристики голоса (**пророкотал силным, пропитым голосом**), особенности лексикона (**просторечные письмецо, за номером, нуль, чего, ишь, почем зря**), невербальные сигналы (**сердито зашевелил густыми бровями, провел рукавом по пышным усам**) и нарочитая неторопливость и обстоятельность представления «моряка» адресату маски – все это обеспечивает ее эффективность.

Интересно, что отдельные маски ЯЛ может использовать несколько раз в разных коммуникативных ситуациях, другие же – только один раз. Безусловно, существует корреляция между многократовой РМ и, с одной стороны, степенью ее подготовленности, а с другой, – эффективностью ее применения в первый раз. При этом спонтанные маски, как правило, являются одноразовыми, поскольку создаются моментально, с ориентацией на конкретные условия ситуации общения. Когда же цель оказывается достигнутой, маска легко «снимается» и «выбрасывается». Оценивается, как правило, лишь результат: насколько эффективной оказалась выбранная стратегия.

Так, герой романа А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике» Максим Каммерер использует одноразовую спонтанную РМ туриста, в первую очередь исходя из такого компонента коммуникативной ситуации, как место общения: курортная зона на берегу озера (подробнее о РМ туриста см. [Шпильман 2006]).

Маска «не выбрасывается» и может использоваться повторно в том случае, если оказалась удачной и / или ситуация, в которой она использовалась, является типовой, регулярно повторяющейся. В этом случае можно говорить о многократовой РМ. При этом многократовые РМ могут использоваться в качестве ситуативных или постоянных.

Остановимся на этих видах РМ подробнее.

РМ кратковременного использования возникает, как правило, на основе удачно сыгранной спонтанной или подготовленной РМ, и ЯЛ использует ее повторно в аналогичных ситуациях. При этом маска модифицируется, дополняется или, наоборот, сворачивается в зависимости от целей и собеседника. Например, такого типа маской является РМ фартового, которую периодически использует Фандорин, ср. два варианта ее реализации: 1) *За спинами хитровских апашей возникла еще одна тень, раздался ленивый, с развальцой голос: – Эт-та что тута за комедь? А ну, хамса, брызнь отседова <...>. – Ты чего, ты чего? – визливо, но, как мне показалось, нервно зачаштил молодой. – Это наш с Тюрей баран. Ты живи, фартовый, и честным псам жить давай. Нет такого закону, чтоб у псов барана отбивать! – Я те дам закон, – процедил Фандорин и сунул руку за пазуху;* 2) *Фандорин: – Поручаемся? // Они пожали друг другу руки, и Фандорин, поглядев по сторонам, сказал: – Вацек про дохтура какого-то базарил. Не слышал? – Не, про дохтура балаки не было <...>. Что за дохтур-то? – Бес его знает. У Вацека тож болтало короткое* (Б. Акунин. Коронация).

Фандорин, отправляясь в опасный район Хитровки, перевоплощается в типичного представителя этого района, с типичным лексиконом (*комедь, хамса* и пр.), манерой речи (*ленивый, с развальцой голос*) и поведением (*Поручаемся?*). Во втором примере маска немного модифицируется: в отличие от первого примера, где фартовый Фандорина явно выше «хитровских апашей» по социальной лестнице, здесь собеседники общаются на равных.

Несмотря на то, что герой Б. Акунина часто использует эту РМ, она не становится постоянной: «надевается» только в определенных типовых ситуациях и «снимается» по достижении цели.

РМ длительного использования. Длительное или даже постоянное «ношение» РМ может быть обусловлено разными целями, но, как правило, выполняет одну функцию: защитную. Так, герой повести Ю. Вяземского «Шут» Валя Тряпишников «носит» маску Шута, чтобы противостоять злу и насилию, которое повсюду окружает подростка; а герой романа братьев Стругацких «Трудно быть богом» Антон, являясь сотрудником Института экспериментальной истории, чтобы не провалить задание, вынужден годами «не снимать» маску благородного дона Руматы, прожигающего жизнь богатого бездельника-дворянина.

Данный тип РМ интересен тем, что зачастую приводит к изменению идиостиля языковой личности, то есть маска постепенно «прирастает». И тем быстрее, чем дольше используется маска и чем больше человеку нравится эксплуатируемый речевой образ. Однако даже в случае отрицательного отношения к изображаемой личности у ЯЛ вы-

рабатывается привычка говорить ее словами, использовать ее манеру речи и поведения, ср.: *Тут он заметил, что неподалеку остановились двое штурмовиков, глазают на него и скалят зубы. Сотруднику Института было на это наплевать, но благородный дон Румата Эсторский осатанел. На секунду он потерял контроль над собой. Он шагнул к штурмовикам, рука его **непроизвольно** поднялась, сжимаясь в кулак. Видимо, **лицо его изменилось страшно**, потому что насмешники шарахнулись и с застывшими, как у паралитиков, улыбками торпливо юркнули в таверну. <...> **Я же не хотел**, подумал он. У меня и в мыслях этого не было* (А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом).

Примечательно, что ЯЛ изначально осознает свое поведение как чужое, масочное, четко разграничивая собственные интенции и необходимость совершения действий (в том числе и речевых), изображая другого человека. Однако постепенно эта граница стирается.

Подводя итог, отметим, что, в зависимости от различных условий общения, частоты и продолжительности использования можно говорить о разных типах используемых ЯЛ масок.

ЛИТЕРАТУРА

Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких). – Дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2006.

© Шпильман М.В., 2012